

I

Свои дни рождения он не любил и давно уже не отмечал. Не только в кругу семьи, от которой после развода практически ничего и не осталось, но и в кругу друзей, по понятным причинам становившемся все меньше и меньше.

Делать ничего не хотелось, от выпитого коньяка мягко плыла голова, и какое-то теплое умиротворение охватывало его.

— В шестьдесят лет принято подводить итоги, производить, так сказать, анализ прожитой жизни, так, что ли? Может, попробовать? Как говорится, если не догоню, то хотя бы согреюсь!

Что сказать, жизнь была не то чтобы слишком бурная, но тем не менее нескучная. Впрочем, мало чем отличаясь от судеб большинства людей его поколения. Родился, учился, работал, женился. Октябренок, пионер, комсомолец, член КПСС. Сын, муж, отец, дед.

Родился в 1958-м в Свердловске, детский сад, средняя школа, затем — учеба в Сибирском автодорожном институте в Омске. Его с детства привлекала различная самоходная техника — автомобили, тракторы, всякие там экскаваторы и тягачи. Распределился на Камский автозавод, там же познакомился с будущей женой — она, студентка МАДИ, проходила на заводе практику. После женитьбы перебрался в Москву. Вспомнилась старая хохма о жене-еврейке, которая не роскошь, а средство

передвижения. Жена-москвичка — тоже, впрочем, как и муж-москвич.

Устроился на ЗИЛ, уж больно он любил грузовики. Работал в КБ, дорос до 1-й категории, неплохо зарабатывал. В конце 1980-х родилась дочь. А потом все посыпалось — страна, завод, семья. С женой растались, в общем-то, спокойно — изжил себя брак, вот и все. Бывает. По дочке поначалу скучал, а потом как-то притерпелся. У нее уже давно своя семья. Правда, внуков удалось увидеть только в электронном виде. Что тут поделать, если они в Италии.

Со страной и заводом вышло не так благостно.

Перестройку он встретил с удивлением и даже с восторгом. От власти он, как и многие, ничего нового не ожидал, а тут нате вам! Нет, скрытым диссидентом он не был. В отрочестве и ранней юности скорее даже был вполне себе идейным комсомольцем. Когда работал в КБ, даже был заместителем секретаря комитета комсомола по идеологии. Впрочем, все усилия по воспитательной работе подрастающего поколения ограничились политинформациями и художественной самодеятельностью. На политинформации в его исполнении народ ходил охотно, потому что он подходил к делу творчески, всегда выискивая что-то оригинальное, нестандартное, а не занимаясь озвучиванием передовиц центральных газет. Что касается капустников, то на них приходили не только свои, но и гости из других подразделений завода, включая довольно высокое начальство.

Затем его стали двигать по профсоюзной линии, проча в председатели профкома. Как-то раз спросили, не собирается ли он вступать в партию. Намекнули, что это было бы неплохо для дальнейшего роста. Дома на него надела жена, к тому времени уже член КПСС, ну или кандидат, он точно не помнил.

— Вступай, не будь идиотом! — сказала она.

Да, в общем-то, он и сам был не против. Само по себе членство в партии ничего не давало, а вот в сочетании с чем-нибудь еще... Это сейчас молодое поколение считает, что члены КПСС были привилегированной элитой общества. Как бы не так! Никаких привилегий рядовые коммунисты не имели, да и не могли иметь, особенно с учетом того, что к концу 80-х годов партия разбухла аж до 24 миллионов членов. Но членство в партии было плюсом при всех прочих равных условиях, а иногда и не равных.

Он помнил, как назначали нового начальника их отдела. Претендентов было два: ГИП (главный инженер проекта) из их отдела, толковый мужик, отличный специалист, и ГИП из другого отдела, человек совсем не выдающихся способностей, даже несколько туповатый. Назначили пришлого, поскольку он был членом партии.

Так что в партию он вступал если и не с бурной радостью, но и не без здорового оптимизма. Да и какие-то остатки внушавшейся с детства коммунистической идеологии в голове все-таки оставались. Теплились надежды на какие-то реформы, на социализм с человеческим лицом. Последнее определение ему особенно нравилось — значит, все десятилетия до этого несколько поколений советских людей строили социализм с нечеловеческим лицом? А с каким? Со звериной мордой, что ли?

Но тогда он не был таким уж сильным противником социализма. Много хорошего было. Например, вполне пристойная, особенно по сравнению с современной, система здравоохранения и образования. Кому не понравилась советская школа? Зачем ее заменили какой-то ерундой?

Но многие вещи напрягали, и со временем все сильнее. Например, пресловутый дефицит, который элементарно мешал жить! Раздражали бесхозяйствен-

ность и фарисейство, доведшие до того, что речи руководителей партии и правительства на очередном съезде воспринимались как юмористический рассказ или репортаж с другой планеты. Ему вспомнился популярный анекдот тех времен.

Приходит человек в поликлинику и просит в регистратуре дать ему направление к доктору «ухо — глаз».

— Нет такого доктора, — отвечают ему. — Есть «ухо — горло — нос», а «ухо — глаз» — нет.

А мужик пристал, ну ни в какую. Подайте ему «ухо — глаз»!

Вызвали главного врача.

— А что вас, собственно, беспокоит? — спрашивает главный врач.

— Понимаете, доктор, глаза видят одно, а уши слышат другое.

— От социализма мы не лечим, — развел руками главный врач.

Так что «гласность, перестройка и ускорение» нашли в его душе весомый отклик, которого, однако, хватило ненадолго. С гласностью было все в порядке: вещи стали называть своими именами, стали громко рассказывать о том, о чем раньше только шептали, и вообще от обилия информации голова шла кругом. Импонировал и молодой (во всяком случае, в сравнении с предыдущими), энергичный лидер страны. И говорил не по бумажке!

Впрочем, через пару лет он начал повторяться, что стало сильно раздражать на фоне перестройки и ускорения, топтавшихся на месте. Пришло понимание, что лидер — демагог, трепло, осуществить что-нибудь на практике просто не способный.

Потом начался путч, и как-то сразу вспомнились слова его ГИПа из зиловского КБ, пожилого мужика, пережившего хрущевскую оттепель, сказанные им

в самом начале перестройки восторженно попискивавшей молодежи:

— Ребята, мы все это уже проходили!

Два раза он пытался поехать к Белому дому, и оба раза жена закрывала собой дверь. Наконец в третий раз он просто ушел с работы и поехал на «Баррикадную». Острота ситуации уже миновала, уже кто-то полетел в Форос спасать президента, и в воздухе пахло победой. Потом, вспоминая эти дни и то чувство эйфории, охватившей его, он думал о том, что именно тогда, в том месте и в то время, и он, и другие делали все правильно. Делали то, что нужно. Если бы можно было заглянуть в завтра...

Сейчас, зная все, что произошло потом, зная, как их всех цинично поимели в особо извращенной форме, он ничего подобного бы не сделал. Но тогда-то он этого не знал, не мог знать! Не знал и когда на референдуме голосовал против сохранения Советского Союза, наивно полагая, что чем быстрее развалится Союз, тем быстрее соберется! Ага, щаз! Нет, если бы это зависело от простых людей, может быть, все так и было бы. Но у людей-то никто не спрашивал! Отчетливое понимание того, что произошло, горечь, стыд и чувство унижения пришли потом. Когда ничего уже нельзя было изменить.

Вспомнилось, как вскоре после развода, когда он стал довольно часто прикладываться к бутылке, оторвавшись от картинки горящего Белграда в телевизоре, пьяный вывалился на балкон и, плача от стыда и бессильной злобы, в отчаянии заорал:

— Б***! Люди, какую же мы страну просрали!

М-да, глас вопиющего в пустыне...

Нет, свой партбилет он не выбросил и не сжег, хотя с этой партией порвал окончательно. Он сохранил его так же, как сохранил и комсомольский билет. Это его прошлое, его жизнь и его память.

После страны стал разваливаться и завод. Быстро выяснилось, что производство автомобилей в центре мегаполиса — это не самая лучшая идея. Когда завод АМО строился, в 1916 году, это была окраина Москвы. Спустя 80 лет — центр. С соответствующей ценой земли. При социализме земля была государственной, и завод тоже, поэтому этот вопрос как-то не возникал. А в 90-е возник и похоронил все крупные предприятия столицы. ЗИЛ еще лет десять брыкался, пытался что-то делать, но продолжал неумолимо идти в пике. И он шел в пике вместе с заводом. Впоследствии он иногда ругал себя, что не уволился сразу, что долго сомневался, что на что-то надеялся. Возможно, и это стало одной из причин развода с женой, уставшей от безденежья.

После ухода с завода долго мыкался, пытаюсь найти себя. «Бомбил» на своей «девятке», работал автослесарем на сервисе, а в начале 2000-х сумел наконец-то прилично устроиться. Не совсем по специальности, правда. Но тут уж не до жиру. Главное, что при машинах. И заработки пошли неплохие. Во всяком случае, удалось построить дачу, на которой он, собственно, сейчас и находился. Увлёкся садом, огородом — вот уж чего он от себя совсем не ожидал. Ведь на сто процентов городской житель. Может быть, гены, ведь дед-то был из деревни.

Да, дед. Как-то так сложилось, что он занимал в его жизни и в воспоминаниях больше места, чем родители. Отец умер рано, видимо, сказало голодное военное детство. А может, и еще что-то. С матерью он особенно близок не был. Почему, он тогда не понимал. У нее все время были какие-то свои заботы, на сына времени не оставалось. Позже, с возрастом, пришло понимание, что мать, ставшая в 37 лет вдовой, как-то пыталась устроить свою личную жизнь, а сын ей просто мешал. Нет,

ни обиды, ни тем более зла он на мать не держал. Чего уж теперь.

Дед — другое дело. У деда для него всегда находилось время. Они любили друг друга, были тезками, причем полными. И его, и отца называли в честь дедов — уж так повелось в их семье. Оба были Николаи Петровичи. Собственно, дед и учил его жизни. Тем более что собственный опыт у него был богатый.

Дед был из крестьян. Родился он в деревне Коптяки Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

— Мы — кержаки, — с гордостью говаривал он.

При этом дед несколько кривил душой. Деревеньку эту действительно когда-то основали кержаки — сибирские старообрядцы. Но ко времени рождения деда в 1894 году никаких кержаков в деревне уже не осталось. Да и название это было не слишком древним — в самом начале XIX века екатеринбургский мещанин Николай Коптяев попросил разрешения поселиться здесь с целью расширения своего рыбного промысла на Исетском озере и организации производства древесного угля для Верх-Исетского завода. Вот с той поры и пошли Коптяки: на протяжении более ста лет местные жители жгли уголь, поставляли в город птицу, зверя, рыбу, ягоды, грибы. Землепашество было у них не в почете, занимались им только для нужд собственного хозяйства.

В 1915 году деда призвали в армию. К тому времени он уже работал на Сысертском заводе. Было такое металлургическое предприятие — железо- и медеплавильный завод — в сорока верстах от Екатеринбурга. Ладно сбитый, физически сильный уралец воевал знатно — три «Георгия» за полтора года. Служил дед не где-нибудь, а в полковой разведке, или, как тогда говорили, в команде охотников. Но про войну он рассказывать не любил, тем более что выпало их ему целых три. Исключение делал только

для каких-либо смешных случаев, которых оказалось немало и среди смерти.

В остальном дед был увлекательным рассказчиком. Вся история страны прошла у него перед глазами: Гражданская война, коллективизация, индустриализация, опять война, теперь Великая Отечественная, потом восстановление страны, было о чем рассказать. Внук становился старше, а рассказы деда — серьезнее и поучительнее.

Но почему-то дед в своих рассказах всегда обходился молчанием один период, а именно лето 1918 года, которое провел в Екатеринбурге. Об остальном рассказывал подробно: о том, как в начале 1918 года после демобилизации добирался с фронта домой, как вернулся на завод, как устанавливали советскую власть на Урале и еще много о чем. Но когда разговор заходил о лете 1918-го, дед мрачнел и отмалчивался. Оставалось только гадать, что же такое с ним тогда произошло.

Была у деда, как он говорил, заветная коробочка, в которой хранились памятные для него вещи. Во-первых, ордена. Все три «Геоργия» и советские награды: «Красная Звезда», орден Отечественной войны, «Трудовое Красное Знамя» и медали. Орденовая книжка, еще какие-то старые документы, даже довольно истрепанный мандат, датированный то ли 1919-м, то ли 1920 годом.

С особым интересом он разглядывал кресты. Диковинка ведь! Четвертая, третья и вторая степень, два серебряных и один золотой.

— Золотишко так себе, — посмеивался дед. — А серебро настоящее, полноценное. Как война началась, так в кресты первой и второй степени стали меньше золота класть. Экономия. А в семнадцатом, говорили, Керенский и вовсе велел кресты делать просто из желтого и белого металла!

— А почему первую степень не заслужил?

— Представляли. Как раз в начале семнадцатого года, аккурат накануне Февральской революции. Но вручить не вручили. Должно быть, представление где-то затерялось. А может, и к лучшему. Меня после второй степени в унтер-офицеры произвели, а при награждении первой должны были в офицеры, в подпрапорщики.

— Как это?

— А вот так, согласно статуту. Там много чего еще было положено, но в декабре семнадцатого советская власть все старые награды отменила. Многие от них избавлялись, особенно от ценных, которые с золотом и серебром.

— Избавлялись? — удивился внук. — Разве можно избавиться от награды?

— Можно, — усмехнулся дед. — Если жизнь заставит. На продукты меняли, а кто-то и просто сдавал на нужды революции.

— А ты?

— Еще чего! Революция революцией, а кресты я честно заработал. Не носил долго, это да, до самого сорок четвертого года. Тогда товарищ Сталин разрешил носить Георгиевские кресты вместе с советскими наградами. Признала, значит, советская власть солдатскую доблесть в бою за Россию.

А еще в заветной коробочке был крестик, что, вообще-то говоря, было удивительным. Дед в Бога не верил, к церкви и вовсе относился с плохо скрываемым раздражением и неприязнью. А тут вдруг крестик. И было видно, что дед этой вещью дорожил. Крестик был маленький, нательный, но явно дорогой, хоть и серебряный. Тонкая работа и четыре крохотных жемчужинки на его концах приковывали к себе взгляд. Удивительным было и то, что по своему внешнему виду крестик был явно женским. На

соответствующий вопрос дед не ответил, взял крестик в руку и задумался. И в глазах его появилась такая тоска, что стало жутко.

Больше он у деда о крестике ничего не спрашивал. Но тема эта всплыла сама, уже много позже, в конце 1980-х, когда они с женой забрали деда к себе в Москву. Старик стал часто прихваривать, к тому же как раз тогда родилась дочь, и дедов посильный пригляд за правнучкой был не лишним. Впрочем, длилось это недолго. Все оборвалось как-то быстро и довольно нелепо. И связано тоже было с крестом. Правда, с другим.

Был Новый год, 1988-й, сидели всей семьей и смотрели «Гардемаринов». Фильм вроде бы первый раз тогда показывали по телевизору. Переживали, смеялись — и вдруг... На экране Ягужинская передает Белову крест со словами: «Передай этот крест моей матушке. Есть такой старый славянский обычай. Матушка отдаст этот крест палачу, и он станет ее крестным братом. Он пожалеет свою сестру».

Дед вдруг захрипел и схватился за сердце. Лицо его стало совсем белым. Вызвали скорую, вроде бы откачали, но после этого дед уже не вставал и умер спустя две недели.

Он был рядом с дедом, когда тот уходил, держал за руку. Старик умирал беспокойно, с какой-то скрытой болью в душе.

— Запомни, — прошептал он. — Самый беспощадный судья для человека — его собственная совесть. Этот судья не знает ни пощады, ни срока давности. — И, обращаясь уже не к нему, а еще к кому-то неизвестному, добавил: — Прости, я не знал...

Сейчас, через много лет, задним числом он понимал, что был в жизни деда как раз в 1918 году какой-то не слишком приятный эпизод, за который всю жизнь его мучила совесть. И достала-таки спу-